

Сказка Астрид Линдгрен " Солнечная полянка "

Давным давно, в пору бед и нищеты, жили были брат с сестрой. Остались они одни одинешеньки на свете. Но маленькие дети не могут жить одни, кому то да надо их опекать. И оказались тогда Маттиас и Анна с хутора Солнечная Полянка у хозяина хутора Торфяное Болото. Думаєте, он взял их из жалости – ведь они сильно горевали после смерти своей матушки? Или его разжалобили их глаза – ясные и добрые? Вовсе нет, его привлекли их маленькие руки, верные и надежные, от которых может быть прок. Детские руки могут хорошо работать, когда не вырезают лодочки из бересты, не мастерят дудочки и не строят игрушечные шалаши на склонах холмов. Детские руки могут доить коров, чистить коровьи стойла в хлеву на Торфяном Болоте – все могут делать детские руки, надо только держать их как можно дальше от берестяных лодочек, игрушечных шалашей и всего того, к чему лежит у детей душа.

– Видно, нет для меня радости на свете! – сказала Анна и заплакала.

Она сидела на скамеечке в хлеву и доила коров.

– Просто здесь на Торфяном Болоте все дни – серые, будто мыши полевки, что бегают на скотном дворе, – постарался успокоить сестру Маттиас.

В пору бед и нищеты, когда дети ходили в школу всего несколько дней в году, зимой, – в крестьянских избах часто недоедали. Потому то хозяин Торфяного Болота и полагал, что им, ребятишкам, довольно и картошки, обмакнутой в селедочный рассол, чтобы насытиться.

– Видно, недолго мне на свете жить! – сказала Анна. – На картошке с селедочным рассолом мне до следующей зимы не дотянуть.

– И думать не смей! – приказал ей Маттиас. – Следующей зимой в школу пойдешь, и тогда дни не покажутся больше серыми, как мыши полевки на скотном дворе.

Весной Маттиас с Анной не строили водяные колеса на ручьях и не пускали берестяные лодочки в канавах. Они доили коров, чистили воловьи стойла в хлеву, ели картошку, обмакнутую в селедочный рассол, и частенько плакали, когда никто этого не видел.

– Только бы дожить до зимы и пойти в школу, – вздыхала Анна.

А как настало на Торфяном Болоте лето, Маттиас с Анной не собирали землянику и не строили шалаши на склонах холмов. Они доили коров, чистили воловьи стойла в хлеву, ели картошку, обмакнутую в селедочный рассол, и частенько плакали, когда никто этого не видел.

– Только бы дожить до зимы и пойти в школу, – вздыхала Анна.

А как настала на Торфяном Болоте осень, Маттиас с Анной не играли в прятки на дворе в сумерки, не сидели под кухонным столом по вечерам, не нашептывали друг другу сказки. Нет, они доили коров, чистили воловьи стойла в хлеву, ели картошку, обмакнутую в селедочный рассол, и частенько плакали, когда никто этого не видел.

– Только бы дожить до зимы и пойти в школу, – вздыхала Анна.

В пору бед и нищеты было так, что крестьянские дети ходили в школу только зимой. Неизвестно откуда в приход являлся учитель, селился в каком нибудь домишке, и туда стекались со всех сторон дети – учиться читать да считать.

А хозяин Торфяного Болота называл школу "преглупой выдумкой". Будь на то его воля, он, верно бы, не выпустил детей со скотного двора. Но не тут то было! Даже хозяин Торфяного Болота не волен это сделать. Можно держать детей как можно дальше от берестяных лодочек, игрушечных шалашей и земляничных полянок, но нельзя отстранить их от школы. Случись такое, придет в селение пастор и скажет:

– Маттиасу с Анной нужно идти в школу!

И вот на Торфяном Болоте настала зима, выпал снег, а снежные сугробы поднялись почти до самых окон скотного двора. Анна с Маттиасом давай от радости друг с другом на мрачном скотном дворе плясать! И Анна сказала:

– Подумать только, я дожила до зимы! Подумать только, завтра я пойду в школу!

А Маттиас как закричит:

– Эй вы, мыши полевки со скотного двора! Конец теперь серым дням на Торфяном Болоте!

Вечером пришли дети на поварню, а хозяин и говорит:

– Ну ладно, так и быть, ходите в школу. Но только упаси вас бог на хутор к сроку не воротиться! Упаси вас бог оставить коров недоеными!

Наступило утро, и Маттиас с Анной, взявшись за руки, пошли в школу. Путь туда был не близкий – в ту пору никто не заботился, далеко ли, близко ли в школу идти. Маттиас и Анна мерзли на холодном ветру, да так, что пальцы сводило, а кончик носа краснел.

– Ой, до чего у тебя нос красный, Маттиас! – закричала Анна. – Повезло тебе, сейчас ты не такой серый, как мыши полевки со скотного двора!

Маттиас с Анной и вправду были как мыши полевки: болезненно серые лица, ветхая одежда: серый платок на плечах Анны и серая старая сермяжная куртка Маттиаса, что ему от хозяина Торфяного Болота досталась.

Но теперь они шли в школу, а уж там, верно, ничего печального, ничего серого не будет, – думала Анна, – там, верно, все яркое, алое. И наверняка, их ожидают одни сплошные радости с утра до вечера! Ничего, что они с Маттиасом бредут по лесной дороге, словно две маленькие мыши полевки, и так жестоко мерзнут в зимнюю стужу! Это вовсе не страшно!

Только ходить в школу оказалось не так уж радостно, как думалось Маттиасу с Анной. Однако уже на другой день учитель хлестнул Маттиаса розгой по пальцам за то, что он не мог усидеть на месте. А как стыдно стало Маттиасу с Анной, когда пришло время завтракать! Ведь у них с собой, кроме нескольких картофелин, ничего не было. Другие дети принесли с собой хлеб со шпиком и сыром, а у Йоеля – сына бакалейщика, были даже пряники. Целый узелок с пряниками! Маттиас с Анной засмотрелись на эти пряники, у них даже глаза заблестели. А Йоель сказал:

– Побирушки вы этикие, никак вы еды в глаза не видали?

Еще пуще застыдились Маттиас с Анной, отвернулись в сторону, вздохнули и ни слова не сказали ему в ответ.

Нет, не избавиться им, видно, от бедной, печальной, серой жизни!

Но всякий день они упорно шли в школу, хотя снежные сугробы поджидали их на лесной дороге, а холод сводил им пальцы и были они всего навсего бедными сиротами и хлеба со шпиком и сыром да пряников – в глаза не видали. Но как весело было сидеть кружком вокруг очага вместе с другими детьми из селения и читать по складам! Хозяин же хутора Торфяное Болото каждый день повторял:

– Упаси вас бог на хутор к сроку не воротиться! Упаси вас бог оставить коров недоеными!

Где уж там Маттиасу с Анной к сроку не воротиться! Мчались они лесом, словно две маленькие серые мыши полевки по дороге в норку; до того хозяина боялись!

Но вот однажды Анна остановилась посреди дороги, схватила за руку брата и говорит:

– Не помогла мне, Маттиас, и школа. Видно, нет мне радости на этом свете и до весны мне не дотянуть!

Только Анна вымолвила эти слова, глядя – птичка алая на дороге сидит! Такая алая на белом снегу, такая яркая прелесть! И так звонко поет, что снег на ветвях елей тысячами снежных звездочек рассыпается. А звездочки эти тихо и мирно на землю падают...

Протянула Анна руки к птичке, заплакала и сказала:

– Птичка то алая! Глянь ка, она алая!

Заплакал тут и Маттиас:

– Она, верно, и не знает, что на свете водятся серые мыши полевки!

Взмахнула тут птичка алыми крылышками и полетела. Тогда Анна схватила за руку Маттиаса и говорит:

– Если эта птичка улетит, я умру!

Взявшись за руки, побежали тут брат с сестренкой следом за птичкой. Словно язычок яркого пламени трепетали крылышки птички, когда она неслась меж елей. И куда бы она ни летела, от звонкого ее пения на землю тихо падали снежные звездочки... Вдруг птичка понеслась прямо в лесную чащу; снует между деревьями, а дети за ней – и все дальше и дальше от дороги отходят. То в сугробах увязают, то о камни, что под снегом спрятались, спотыкаются, то ветки деревьев их по лицу хлещут! А глаза у Маттиаса и Анны так и горят!

И вдруг птичка исчезла!

– Если птичка не найдется, я умру! – сказала Анна.

Стал Маттиас сестренку утешать, по щеке гладить.

– Слышу я, птичка за горой поет, – говорит он.

– А как попасть за гору? – спросила Анна.

– Через это темное ущелье, – ответил Маттиас.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Повел он Анну через ущелье. И видят вдруг брат с сестрой – лежит на белом снегу в глубине ущелья блестящее алое перышко. Поняли дети, что они – на верном пути. Ущелье становилось все теснее и теснее, а под конец стало таким узким, что только ребенку впору в него протиснуться.

– Ну и щель, – сказал Маттиас, – только нам можно здесь пройти! Вот до чего мы отощали!

– Хозяин Торфяного Болота позаботился, – горько пошутила Анна.

Пройдя в узкую щель, они оказались за горой в зимнем лесу.

– Ну, теперь мы за горой, – сказала Анна. – Но где же моя алая птичка?

Маттиас прислушался.

– Птичка вон здесь, за этой стеной, – ответил он.

Поглядела Анна – перед ними стена, высокая превысокая, а в стене ворота. Ворота полуоткрыты, словно кто то недавно тут прошел да и забыл их за собой закрыть. Кругом – снежные сугробы, мороз, стужа, а за стеной вишневое дерево цветущие ветви распростерло.

– Помнишь, Маттиас, – молвила Анна, – и у нас дома на хуторе вишня была, только она и не думала зимой цвести.

Повел Маттиас Анну в ворота.

Видят вдруг брат с сестрой – на березе, покрытой мелкими зелеными кудрявыми листочками, алая птичка сидит. И они мигом поняли – тут весна: тысячи крохотных птишек поют на деревьях, ликуют, ручьи весенние журчат, цветы весенние пестреют, на зеленой поляне дети играют. Да, да, детей вокруг видимо невидимо: одни – берестяные лодочки вырезают и пускают их плавать в ручьи и канавы, другие – дудочки мастерят и на них играют. Вот и кажется, будто скворцы весной поют. И дети такие красивые в алых, лазоревых да белых одеждах. И кажется, будто это тоже весенние цветы в зеленой траве пестреют.

– Дети эти, верно, и не знают, что на свете водятся серые мыши полевки, – печально сказала Анна и поглядела на Маттиаса.

А на нем одежда алая, да и на ней самой тоже! Нет, больше они не серые, будто мыши полевки на скотном дворе!

– Да, таких чудес со мной в жизни не случалось, – сказала Анна. – Куда это мы попали?

– На Солнечную Полянку, – ответили им дети; они играли рядом, на берегу ручья.

– На хуторе Солнечная Полянка мы жили раньше, до того как поселились у хозяина Торфяного Болота, – сказал Маттиас. – Только на нашей Солнечной Полянке все иначе было.

Тут дети засмеялись и говорят:

– Верно, то была другая Солнечная Полянка.

И позвали они Маттиаса и Анну с ними играть. Вырезал тогда Маттиас берестяную лодочку, алое же перышко, что птичка потеряла, Анна вместо паруса поставила. И пустили брат с сестрой лодочку в ручей. Поплыла она вперед – самая веселая среди других лодочек. Алый парус – пламенем горит. Смастерили Маттиас с Анной и водяное колесо: как зажужжит, как закружится оно на солнце! Чего только не делали брат с сестрой: даже босиком по мягкому, песчаному дну ручья бегали.

– По душе мне мягкий песок и шелковистая травка, – сказала Анна.

И слышат они вдруг, как кто то кричит:

– Сюда, сюда, детки мои!

Маттиас с Анной так и замерли у своего водяного колеса.

– Кто это кричит? – спросила Анна.

– Наша матушка, – ответили дети. – Она зовет нас к себе.

– Но нас с Анной она, верно, не зовет?! – сказал Маттиас.

– И вас тоже зовет, – ответили дети, – она хочет, чтобы все дети к ней пришли.

– Но она то не наша матушка, – возразила Анна.

– Нет, и ваша тоже, – сказали дети.

Тут Маттиас и Анна пошли с другими детьми по полянке к маленькому домику, где жила матушка. Сразу видно, что это была матушка. Глаза у нее были материнские и руки тоже – материнские. А глаза ее и руки ласкали всех детей – те вокруг нее так и толпились.

Матушка испекла детям пряники и хлеб, сбила масло и сварила сыр. Дети уселись в траву и наелись досыта.

– Лучше этого я ничего в своей жизни не ела, – сказала Анна.

Тут вдруг Маттиас побледнел и говорит:

– Упаси нас бог на хутор к сроку не воротиться! Упаси нас бог коров оставить недоеными!

Вспомнили тут Маттиас с Анной, как далеко они от Торфяного Болота зашли, и заторопились в обратный путь.

Поблагодарили они за угощение, а матушка их по щеке погладила и молвила:

– Приходите скорее опять!

– Приходите скорее опять! – повторили за ней все дети.

Проводили они Маттиаса с Анной до ворот. А ворота в стене по прежнему были приотворены.

Смотрят Маттиас с Анной, а за стеной снежные сугробы лежат!

– Почему не заперты ворота? – спросила Анна. – Ведь ветер может нанести на Солнечную Полянку снег.

– Если ворота закрыть, их никогда уже больше не отворить, – ответили дети.

– Никогда? – переспросил Маттиас.

– Да, никогда больше, никогда! – повторили дети.

На березе, покрытой мелкими кудрявыми зелеными листочками, которые благоухали так, как благоухает березовая листва весной, по прежнему сидела алая птичка. А за воротами лежал глубокий снег и темнел замерзший студеный сумеречный зимний лес.

Тогда Маттиас взял Анну за руку, и они выбежали за ворота. И тут вдруг стало им до того холодно и голодно, что казалось, будто никогда у них ни пряников, ни кусочка хлеба во рту не было.

Алая птичка меж тем летела все вперед и вперед и показывала им дорогу. Однако в зимней сумеречной мгле она не казалась больше такой алой. И одежда детей не была больше алой: серой была шаль на плечах у Анны, серой была старая сермяжная куртка Маттиаса, что ему от хозяина Торфяного Болота досталась.

Добрались они под конец на хутор и стали скорее коров доить да воловы стойла в хлеву чистить.

Вечером пришли дети на поварню, а хозяин и говорит им:

– Хорошо, что школа эта не на веки вечные.

Долго сидели в тот вечер в углу темной поварни Маттиас с Анной и все о Солнечной Полянке толковали.

Так и шла своим чередом их серая, подобная мышиной жизнь на скотном дворе хозяина Торфяного Болота. Но всякий день шли они в школу, и всякий день на обратном пути их в снегу на лесной дороге алая птичка поджидала. И уводила она Маттиаса с Анной на Солнечную Полянку. Они пускали там в канавах берестяные лодочки, мастерили дудочки и строили игрушечные шалаши на склонах холмов. И всякий день кормила их матушка досыта.

– Не будь Солнечной Полянки, недолго бы мне оставалось на свете жить! – повторяла Анна.

Когда же вечером приходили они на поварню, хозяин говорил:

– Хорошо, что школа эта не на веки вечные. Ничего, насидитесь еще на скотном дворе!

Глядели тогда Маттиас с Анной друг на друга, и лица их бледнели.

Но вот настал последний день: последний день школы и последний день Солнечной Полянки.

– Упаси вас бог к сроку не вернуться! Упаси вас бог оставить коров не доеными! – повторил в последний раз хозяин Торфяного Болота те же самые слова, что говорил и раньше.

В последний раз сидели Маттиас и Анна с детьми вокруг очага – буквы складывали. В последний раз поели они свою холодную картошку, и когда Йоель сказал:

– Побирушки вы этикие, никак вы еды в глаза не видали? – лишь улыбнулись в ответ.

А улыбнулись они потому, что Солнечную Полянку вспомнили; скоро их там накормят досыта.

В последний раз пробежали они по лесной дороге, словно две маленьких мыши полевки. Стоял самый студеный за всю зиму день, дыхание белым паром струилось у детей изо рта, а пальцы рук и ног сводило от жгучего холода. Закуталась Анна поплотнее в шаль и сказала:

– Мне холодно и голодно! Никогда в жизни не было мне так худо!

Да, стужа была лютая, и дети так по алой птичке затосковали! Скорее бы она их на Солнечную Полянку отвела! А вот и птичка – алая на белом снегу. Такая яркая прелесть!

Увидела ее Анна, засмеялась от радости и сказала:

– Все таки доведется мне напоследок на моей Солнечной Полянке побывать!

Близился к концу короткий зимний день, уже надвинулись сумерки, скоро наступит ночь.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Все замерло: обычно шумную песню сосен задушила ледяная стужа. В сонную тишину леса неожиданно ворвалось пение птички. Похожая на ярко красный язычок пламени, птичка взлетела меж ветвей и запела, да так, что тысячи снежных звездочек стали падать на землю в студеном примолкшем лесу.

А птичка все летела и летела; Маттиас с Анной изо всех сил пробивались за ней через сугробы – не близкий был путь на Солнечную Полянку!

– Вот и конец моей жизни, – сказала Анна. – Холод погубит меня, и до Солнечной Полянки мне не добраться.

Но птичка будто звала все вперед и вперед! И вот они уже у ворот. До чего же знакомы им эти ворота! Кругом – снежные сугробы, а вишневое дерево за стеной свои цветущие ветви распростерло. И ворота – полуоткрыты!

– Никогда ни о чем я так не тосковала, как о Солнечной Полянке, – сказала Анна.

– Но теперь ты здесь, – утешил ее Маттиас, – и тебе больше незачем тосковать!

– Да, теперь мне больше незачем тосковать! – согласилась Анна.

Тогда Маттиас взял сестренку за руку и повел ее в ворота. Он повел ее на волшебную Солнечную Полянку, где была вечная весна, где благоухали нежные березовые листочки, где пели и ликовали на деревьях тысячи крохотных птишек, где в весенних ручьях и канавах плавали берестяные лодочки и где на лугу стояла матушка и кричала:

– Сюда, сюда, детки мои!

За спиной у них в ожидании зимней ночи застыл морозный лес. Глянула Анна через ворота на мрак и стужу.

– Почему ворота не закрыты? – дрожа спросила она.

– Ах, милая Анна, – ответил Маттиас, – если ворота закрыть, их никогда уже больше не отворить. Разве ты не помнишь?

– Да, ясное дело, помню, – отозвалась Анна. – Их никогда, никогда больше не отпереть.

Маттиас с Анной глянули друг на друга и улыбнулись. А потом тихо и молча закрыли за собой ворота Солнечной Полянки.